

Глава 59. Бесцветные слезы

Страх, беспокойство, волнение, отчаяние – все эти эмоции смешались на его лице воедино и затмевались одной единственной – решимостью. Он переводил взгляд с меня на Ланиуса и обратно. И в его глазах я увидела то, что еще ни разу не видела, пока он был душой. Это была твердость, но совсем другая, нежели при жизни. Когда я видела ее в прошлом, то в этой твердости были безжалостность, злость, гнев, ненависть. Эту твердость я боялась, как огня. Когда в его глазах появлялось что-то подобное, то за этим следовало мое избиение, боль и обида, которую я никогда не забуду. Но сейчас в ней не было ничего из прошлого. Сейчас она была наполнена уверенностью, самопожертвованием, готовностью пойти на все.

Даже под взглядом Ланиуса отец не отступал. Он стоял на месте, смотря в глаза демону. Передо мной словно предстал новый человек. Я не узнавала в нем ничего от своего отца. Вместо трусливого эгоиста, жестокого тирана и безжалостного человека, там теперь стоял совершенно новый, противоположный человек.

Я не понимала, почему он не убежал, когда была возможность, почему он вновь помог мне. Но я понимала, что слезы, вдруг подкатившие к моим глазам не от печали, грусти или сильной боли, а от теплоты и признательности, возникшей в моем сердце. Молчаливый крик: «Почему ты не убежал?! Почему ты остался?! Это все было изначально устроено только для этого! Почему ты помогаешь?!» - таки и остался в горле, застрявший там, как комок.

-Да? И почему же я должен ее не трогать? – зло сказал Ланиус, сделав шаг в сторону души, - Ты, что ли, меня остановишь? А силенок хватит? – в его голосе ощущалось презрение и отвращение.

Вместо ответа отец вытянул свою дрожащую руку вперед, медленно раскрывая ладонь.

-Мне – нет. Но этому – да, - сказал он.

В его ладони лежал потрескавшийся зеленый кристалл. Лицо Ланиуса сразу изменилось. Презрение и отвращение сменились настороженностью.

-Ты ничего не сможешь сделать даже с этим! – зло прохрипел демон.

-Мне и не нужно ничего делать, - мягко ответил отец, мотая головой.

Рукой он показал на пульсирующие трубы, протянувшиеся по всей комнате.

-Это сделает все за меня.

Лицо демона приняло угрожающий темный вид.

-Не много ли ты на себя берешь? Ты – простая, никчемная душа никчемного человека!

-Пускай я и никчѐмен, но уж точно не тебе это произносить, - он с беспокойством бросил на меня быстрый взгляд. Я даже не успела ответить, - И только ли я здесь никчѐмен? Почему ты стоишь на месте и ничего не предпринимаешь?

Ланиус только заскрипел зубами и крепче сжал два меча в обеих руках, одним из мечей был мой бастард.

-Когда ты успел? – прошептала я.

-Когда ты побежала на выход, я решил прихватить эту штуку. Думал, вдруг пригодиться. Из разговора демонов я понял, что она очень опасная.

-Почему ты сейчас это делаешь? - так же тихо пробормотала я.

Но в этот раз отец не ответил. Он лишь посмотрел на меня. На его лице появилась ласковая улыбка, от которой в груди почему-то защемило. Серые давно позабытые воспоминания всплыли у меня в голове. Эта улыбка, казалось бы, никогда мною не видимая, сейчас была знакомой как никогда. В памяти возник образ человека, как две капли воды похожего на отца, только намного моложе.

Он улыбался мне так же ласково, держа меня за руку. В другой у меня было мороженое. Рядом раздавался залихватистый смех Тамилы, чьи невидимые слезы печали мы так и не смогли увидеть, обрекая ее на верную смерть. Но в этой сцене ее задорный смех не показывал ни капли печали. Еще одним человеком была мама. Она тихо шла рядом с отцом, приобняв его руку. Ее спокойное, но счастливое лицо говорило о том, что все всегда останется таким же, как тогда... Говорило... Но не обещало...

Воспоминания ли это были? Или это мое воображение нарисовало мне сладкую картину моей мечты, прах которой был захоронен в глубине моей души еще до авиакатастрофы? Я не знаю... Иной раз между мечтами и реальностью стоит невидимая грань, которую наш разум готов сломать в любую секунду, было бы желание...

-Постой, давай договоримся! - осторожно сказал Ланиус, когда увидел, что отец медленно подходит к ближайшей трубе в нескольких шагах от него.

Душа мужчины не отреагировала. Она продолжала пятиться в сторону пульсирующей трубы, не спуская глаз с Ланиуса.

-Нам не о чем договариваться! Дима, уходи! - спокойный голос отца эхом раздавался в моих ушах.

Его спокойствие рвало мою душу на части. Тихий голос казался самым громким криком в этих шахтах. Даже переговоры в напряженной армии демонов были не слышны из-за этих слов.

-Я не пойду! - мой же голос срывался на крик, - Я сюда пришла за тобой! Без тебя я никуда не уйду! - комок в горле не хотел никуда пропадать.

Отец уже вплотную подошел к пульсирующему проводу маны. От этого Ланиус весь напрягся, готовый в любую секунду начать действовать, но и боящийся того, что может произойти.

Отец смотрел прямо на меня. Его лицо, которое я привыкла видеть на протяжении всей своей человеческой жизни, знакомое, отвратительное, теперь ощущалось по новому, как что-то неизвестное, нераскрытое.

-Я понимаю это, - каждое его слово ударом отдавалось в моей голове, - И от этого мне становится тошно, - улыбка не исчезала с его лица, - Я был в отчаянии, готов был сдаться на пороге своей гибели. У меня не было надежды ни на какое спасение. Я думал лишь о том, чтобы меня поскорее расплыли, как и другие души, но я никак не мог ожидать того, что ты придешь спасти меня, рискуя своею жизнью, - он заикался, подыскивая правильные слова, - Я не то, что не мог ждать этого. Я не смел надеяться на это. После всех ошибок, что я совершил по отношению к тебе, к Тамиле... - я видела, как за его мирной, счастливой улыбкой скрывается безмолвный, беззвучный крик... о помощи... о прощении... - Я хочу столько всего

тебе сказать, но не имею возможности, - одинокая соленая капля скатилась по моей щеке, - Я знаю, что даже ценой собственной жизни не смогу искупить свою вину перед тобой и Тамилой, перед моими драгоценными детьми, чью цену я узнал только, когда готов был все потерять, - он по-доброму на меня посмотрел, издав легкий, веселый смешок, который никак нельзя было понять именно, как веселый, - Я не прошу тебя о прощении... Я умоляю тебя, Дима, уходи, убегай, спасайся! Позволь мне загладить свою вину... Позволь мне хотя бы думать о том, что я смог... - он остановился, - Смог стать настоящим отцом...

Я молча смотрела на него. Я не могла найти никаких подходящих слов для такого важного и ответственного момента, за что себя проклинала.

-Я... - куча слов застряла в горле, так и не выйдя наружу.

Я хотела много сказать. Сказать то, что не нужно винить себя, сказать то, что не надо просить прощения, сказать то... что он уже является настоящим отцом... Но стоило мне посмотреть ему в глубокие, любящие глаза, как все слова улетучились в никуда. Они были лишними.

Я медленно поднялась на ватные ноги. Поврежденная нога давала о себе знать. Сильная боль волной расходилась от сломанного колена. Но даже такая сильная боль заглушалась ураганом эмоций, моим душевным криком, душевными терзаниями, муками, пытками.

Мой последний взгляд был брошен на продолжавшего улыбаться отца. Противоречивые чувства постоянно возникали внутри меня. Я собиралась было молить его о том, чтобы он передумал, не делал ничего безрассудного, но... Ничего не выходило. Уверенный, твердый, решительный вид отца не позволял мне сделать что-либо подобное.

Я только старался запомнить вид, казалось бы, обычной человеческой души, чтобы каждая мелочь навсегда отложилась в моей памяти, чтобы я ее никогда не забыла. Только вот человеческая душа никогда не бывает обычной, простой, она всегда особенная и сложная. И мелочей в душе никто никогда не сможет увидеть. Ведь в такой сказочной вещице как душа не существует мелочей. Каждая деталь важна и уникальна, как и сама душа.

Закончив запоминать, я закинула голову вверх, закрыв глаза, пытаюсь сдержать соленые ручьи.

Если Бог есть, если Владыка есть, то сейчас они были для меня самыми никчемными существами во всем мире. Когда эфемерные существа стали важнее живых существ? Когда вера в них затмила веру в человека?

Повернувшись на одном месте, я побежала в знакомый коридор, как того позволяла раненная нога. Она не сгибалась, не разгибалась, но на это было плевать, как и на беспросветную темноту шахты. Серая пелена слез уже давным-давно застила мне глаза. Я хотела кричать, кричать так, чтобы горло стало болеть, до тех пор, пока не смогу издать и звука, но я не могла... Вместо крика из меня выходил жалкий писк...

Мой мир уже был разрушен. Моя реальность обратилась в руины. Я ничего не сумела сберечь! Мое сердце болело, саднило. Нервы, итак бывшие на пределе, теперь уже полностью сорвались. Чувства, которые я так желала, ценила, исчезали с каждой секундой в пустоте утрат и падений. Слезы, мысли, ожидания - все это терзало мою душу и тело, запутывая меня и убивая изнутри. Боль текла по венам, становясь для меня своеобразной привычкой. Снова одна, я пыталась убежать от отчаяния. Я уже стояла на крае, на котором любая ошибка приводила к падению в бездонную пропасть. Я проклинала жизнь. Возможно, что я уже давно оступилась и летела по темноте этой пропасти?

Я убегала, стараясь не обернуться. Я не хотела видеть уже родного для себя человека в еще один последний раз. Так ни разу и не обернувшись, я исчезла в черном коридоре.

Он боялся. Все время, пока он находился в этом чертовом Аду, он не видел ничего, кроме бескрайнего моря отчаяния и пыток, сгорая под жаром нескончаемых ударов плеток, он не мог перестать плакать. С ним обращались, как с бесполезной душой. Его циклы подходили к концу, его поступки показали его с самой плохой стороны. Без родных, без поддержки он постепенно сдавался, ломаясь под гнетом тяжелого бремени своих деяний. Сожалел ли он о своих поступках? Он о них не задумывался.

Но среди всего этого ужаса, к нему вдруг пришел тот, кого он никак не ожидал встретить здесь. Тогда, в середине его мучений, он мог думать только о том, что, наконец, получил возможность спастись. Среди темной пучины он увидел источник света. Но все обернулось совсем по-другому...

Боль, которую он причинял этому человеку, вернулась в умноженном размере. Валяясь на полу в собственных слезах, не чувствуя своего тела из-за жгучей и невыносимой, желая только поскорее умереть, убиваясь лбом о холодный каменный пол, он впервые задумался о своих деяниях, о причинах этих деяний.

Все детство он провел только со своей матерью. Его отец, цыган, покинул их семью вместе со своим табором. Трудясь, не покладая рук, он выживал в жестоком мире, таща на своей слабой спине жизни матери и младшей сестры. Для этого он не стал оканчивать школу, уйдя в техникум, после которого быстро нашел работу. И вот его жизнь обрела свой замкнутый цикл, который, по идее, никогда не должен был разорваться. Думая, что так будет продолжаться вечно, он не ожидал того, что сможет когда-либо обрести нормальную семью.

Но это произошло. Совершенно неожиданно. Совершенно не так, как он того ожидал. Но обретя эту самую семью, он вдруг ощутил вкус жизни, захотел жить, выкарабкавшись из серой, мертвой обыденности.

Но стоило ему обрести новый дом, жену, желание возвращаться домой после тяжелой работы, как горести вновь нахлынули на него. Их первенец так и не смог родиться. Как и второй ребенок... Высшие силы словно ломали хлипкую лестницу, по которой он пытался вылезти из ямы сложностей и преград. Напряжение воцарилось между ним и его женой. Потеряв двух детей, они уже не хотели ничего, удаляясь друг от друга все дальше и дальше. Не было никаких отношений – была холодность, траур, смута, скорбь. Недоверие между двумя людьми росло, уничтожая их хорошие отношения.

Кто бы мог подумать, что среди этой серости вдруг появились новости о скором рождении третьего ребенка! И что бы вы думали? В третий раз чудо случилось, и у них в семье появилась, наконец, дочка! Дочка, в которой они души не чаяли, которую они лелеяли, как зеницу ока, как самое дорогое сокровище в их жизнях. Цена маленького, постоянно орущего существа, стоила двух жизней.

Сломанные мосты отношений вновь начали выстраиваться, соединяя два сердца. Окрыленные безмерной радостью они не заметили, как попытались завести второго ребенка. Но... В этот раз чуда не случилось. Его жена не смогла родить ребенка.

И вновь начался раздор между ними. Предаваясь горечи, они всю ответственность складывали на маленькую девочку, которая лишь хотела внимания и заботы ее родителей, которая была

согласна на все, лишь бы родители вновь начали играть, гулять, веселиться с ней, но... И тогда ее единственной опорой в тяжелое время стала бабушка, которая не смогла долго поддерживать бедную девочку. В одиночестве девочка росла, пока ее сердце черствело с каждым днем.

В то же время, между ним и его женой появились недомолвки. Недоверие, недовольство отношениями, друг другом, постоянная ревность... И ведь на все это были причины! Его жена в открытую ходила на свидания с другими мужчинами, пока он запирался в своей комнате, топя обиды в алкоголе, убегая из реальности в виртуальный мир видеоигр. Но больше всех страдала маленькая девочка, которой было так одиноко. И спасением от ее одиночества стал младший брат, которому посчастливилось суметь родиться.

Роды были тяжелыми. Ни один из врачей не давал стопроцентной вероятности на успех, но в этот момент он откинул все обиды, поддерживал свою жену. И с помощью усилий всех троих: матери, отца, дочери – мальчик смог увидеть яркий теплый свет этого мира. Крик Димы озарил их жизнь новыми красками. Снова отношения в семье стали теплыми, заботливыми, любящими. И больше всего радости это принесло старшей сестре маленького Димы – Тамиле. Он стал ее единственным другом, ее ценным сокровищем, о котором она самозабвенно заботилась, отдавая его воспитанию всю себя.

Но как оно обычно бывает, прошлые обиды никуда не деваются, а только уходят на второй план, уступая свое место более важным событиям. А когда же важное событие уже свершено, они занимают по праву принадлежащее им место.

Он вспоминал о том, как его жена гуляла с другими мужчинами, поздно приходила с работы, а дома всегда бездельничала. Ревность переросла в подозрения о чуждости его детей. Ссоры, драки, пьянки, гулянки – везде страдали именно дети, пока родители наслаждались обоюдными разногласиями. Почему они не расстались? Привычка ли то была, остатки любви – никто так и не узнает. Возможно, они просто считали себя еще более бесполезными, бесперспективными врозь друг от друга. Сути это не меняет – собственные родители считали своих детей чужими...

И настал тот день, когда самое дорогое сокровище в жизни, стало самым тяжелым балластом в жизни двух взрослых людей... Жизнь детей была разрушена, но Тамила уверенно все терпела, собственным телом защищая младшего брата. Ее единственной радостью была маленькая улыбка брата, которую так сложно было добиться в их условиях воспитания. Она отдавала все свое детство своему младшему брату. Ее жизнь ничего не значила по сравнению с маленьким человечком, ставшим для нее единственным путеводным светочем на дороге слез и боли. Будто спаситель, он явился в ее жизнь, когда она уже почти утонула в душном одиночестве. И спасенная, она уже не считала свою жизнь, как что-то самостоятельное. Без брата – для нее ничего не существовало. Но...

Но слишком рано повзрослев, она слишком рано увидела жестокость мира. Слишком рано повзрослев, она слишком рано рассталась со своей жизнью. И в этом не было ее собственной вины. Это же так легко понять! Если что-то полностью не принадлежит тебе – этого так легко лишиться, как она лишилась жизни...

Когда его дочь умерла, он даже не обратил внимания на причины. Переводя пальцами друг на друга, он и его жена, наконец, полностью обратили свое внимание на Диму. И их единственным решением было то, что он обязан теперь добиться всего, нести груз двух жизней: собственной и его сестры. Такое простое решение – забыть свою вину, переложив ответственность на другого человека, совершенно к этому не причастному. Человеческая

привычка, которая никогда не изменится, сколько бы ни сменилось поколений.

Но если ты потерял одно, то потеряешь и другое. Такой же принцип произошел и с его сыном. Только оставшись снова одни, без детей, без поддержки, без тех, на ком можно было срываться, два человека, наконец, вспомнили свои мечты, свои желания, свои сожаления. И... свои ошибки...

Чудом они смогли завести еще одного ребенка. И с ним они вернулись в свои молодые годы, выкидывая прошлых детей из головы, как черновик, с которого они смогли списать белую работу...

Но ведь обиды никогда не исчезают бесследно. Даже после смерти его настигло его прошлое.

И сейчас, стоя на смертном одре, на пути, который он выбрал сам, он вспоминал всю свою жизнь, сожалея только о том, что не может проститься, вымолить прощение, искупить вину перед своей дочерью.

Он хотел жить. Хотел увидеть завтрашний день. Хотел встретить рассвет со своей семьей. Хотел вновь увидеть всех своих детей. Хотел увидеть их вместе играющих. Хотел воспитывать внуков. Но всему этому суждено было остаться несбывшимися мечтами, чей прах исчезнет вместе с его душой. Но так ли это на самом деле?

Частичка каждого из нас принадлежит нашим детям. Они несут наши мечты, заветы, привычки, мысли с собой на протяжении жизни, исправляя в них ошибки, подстраивая под себя и передавая уже своим детям, нашим внукам. И так продолжается на протяжении всего человеческого рода. Мы не умираем. Мы перерождаемся в своих детях. Как и мы, так же поступают и наши мечты. Из праха нашей мечты рождается мечта наших детей.

Он смотрел вслед уходящему сыну. Он хотел кричать, чтобы его не бросали, чтобы ему помогли, чтобы его спасли, но... Вместо этого на его лице зависла одинокая улыбка.

Он смотрел в спину уходящего сына. Он ждал, когда тот обернется. Хотел, чтобы он обернулся. До последнего надеялся, чтобы он обернулся. И вот его сын исчез в темноте коридора, так и не обернувшись... Оставив в груди своего отца бескрайнюю пустоту...

-«Когда я умру, ты будешь думать обо мне, как об отце?»

Одинокая душа тяжело вздохнула. Она высоко подняла руки, держа зеленый кристалл. В тот же момент, к ней со всех ног бросился демон, что-то безумно крича. Но полупрозрачная душа мужчины ничего не слышала, ничего не видела.

-«Пожалуйста... Живи за меня...» - последние слова хорошего отца, которым никогда не суждено быть услышанными.

Кристалл гладко вошел в мягкую органическую трубку. Из дыры сразу начал вырываться ослепительный синий цвет. Кристалл светился все сильнее и сильнее. Трещины кристалла наполнились усиливающимся зеленым светом. Трещин стало все больше, а сами они глубже. Когда демон уже вплотную приблизился к душе, весь кристалл уже был покрыт мириадами трещин, отчего испускал невероятный зеленый свет.

Мгновение. Треск. Ослепительная вспышка заполняет все пространство, стирая Ланиуса, армию демонов и самого мужчину из этого мира. Взгляды демонов были наполнены ужасом, но не его. Они были печальными. Его глаза застилала бесцветные слезы...

<http://tl.rulate.ru/book/4531/137507>